

ПОРТРЕТ ТРЕХ ПРАЗДНЫХ ДНЕЙ НЕ НАБЕРЕТСЯ

Я радуюсь доверительности и простоте нашего разговора. Предыдущие встречи были не совсем такими. Вопрос — исчерпывающий ответ, вопрос — ответ. И Леонид Броневой корректно-замкнуто замолчал в ожидании следующего вопроса.

— Не люблю давать интервью, говорить о себе. Не обижайтесь. В самом деле.

— В таком случае, когда вас узнают на улице, это тоже причиняет вам неудобство?

— Да, причиняет. И смущает. Зимой легче: в шапке, надвинутой на лоб, мало кто узнает. Вы улыбаетесь, а я говорю серьезно.

— «Быть знаменитым некрасиво?»

Леонид Сергеевич всем своим магически выразительным лицом подтверждает согласие. Через несколько минут актер войдет в грим-уборную и начнет облачаться в тяжелый, блестящий всеми пуговицами царский мундир (сегодня в театре «Лунин, или Смерть Жака»).

— Волнуетесь ли вы перед выходом на сцену?

— Скорее бы я говорил не о волнении, а о сосредоточенности, включенности в работу. После первого акта всегда анализирую только что сыгранное. И соответственно вношу коррективы во второй акт. Спектакль окончен — и снова подробный анализ, который поможет в следующий раз. Крайне редко — если судить строго — бывают такие спектакли, когда получается все. Когда на сцене возникает подлинный актерский ансамбль, когда каждый вздох доходит до зрителя. Я помню, например, гастроль нашего театра в Ленинграде. Невозможно забыть, как принимали «Женитьбу» Гоголя, поставленную Анатолием Васильевичем Эфросом. То, что происходило на сцене и в зале, было просто непостижимо. Это была та радостная самоотдача, ради которой, наверное, и работаешь.

Как кровно неотделимо подлинное мастерство от жесткой требовательности к своему труду, от неустойчивой занятости своим делом. Л. Броневой обладает поразительной способностью мгновенно, едва появившись на сцене (или в кадре), почти гипнотически приковывать к себе внимание зрителя. Ни одного жеста, слова, движения души не пропустишь. И все это актер делает, будто не играя, а естественно живя. За этой кажущейся легкостью — бескомпромиссный, вечный труд («отдыхать не люблю, не умею, три праздных дня уже тяготят. Или сцена, или съемочная площадка, или телевизионная студия»).

Телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» принес некоторым его творцам не только популярность, известность, но и подлинное признание. И среди них — безусловно Леонид Броневой.

Константин Симонов писал: чем объективнее наше искусство сумеет показать силу врага, тем более понятны станут масштаб и значение нашей Победы в Великой Отечественной. Эта мысль отчетливо соотносима с созданным Л. Броневым образом Мюллера. Создание такого достоверного характера — живого, объемного, сложного — не по силам было бы человеку без серьезного жизненного опыта, без предшествующего пути в искусстве. Но времени работы над фильмом «Семнадцать мгновений весны» Л. Броневой сыграл сто пятьдесят ролей в театре, кино, на телевидении. Актер говорит, что именно потому, что образ вобрал огромное множество ролей, он оказался возможным.

Он окончил актерский факультет Ташкентского ГИТИСа. Работал в театрах Магнитогорска, Грозного, Оренбурга. Но вот посчитал, что еще нужно учиться, и приехал в Москву. Представительнейшая комиссия — Грабов, Массальский, Топорков, Морес — прослушала не вполне обычного абитуриента и оценила его талант. Так он был зачислен на третий курс Школы-студии МХАТа. Потом работал в театрах Иркутска, Воронежа. Играл Чехова, Горького. Создал образ Ленина в «Третьей патетической», Володи Ульянова в «Семье», Мересьева в «Повести о настоящем человеке», Андрея в пьесе В. Розова «В добрый час». С такой подготовкой актер в начале 60-х годов приходит в труппу Московского театра на Малой Бронной.

Я думаю: необычайное интонационное богатство особого голоса Броневского — не от абсолютного ли музыкального слуха актера? Когда началась война, Леонид Броневой был учеником музыкальной школы-десятилетки по классу скрипки при Киевской консерватории. Навсегда, конечно, остались в памяти горькие дни войны, эвакуация под Ташкент. Там подросток из Киева работал пекарем на хлебозаводе. Потом шил куклы и немного играл в кукольном театре. Потом был секретарем-машинисткой (так и записано было в трудовой книжке) у председателя исполкома горсовета Чкаленка. Там же в 46-м он окончил школу рабочей молодежи. Актер играет на многих инструментах. И знает несметное число песен и романсов. Кажется, что просто все, что написано. А какой он рассказчик! Я спросила, помнит ли Леонид Сергеевич свою первую роль на сцене.

Леонид Броневой:

Его кредо: в искусстве, как и в жизни, самое трудное — самоограничение. Это — достойная задача и бесконечная работа. Сначала нужно справиться с ролью... Решительно отказаться от того, что тебе легко дается, не повторять себя и еще — сознательно ограничить. В этом зерно актерской работы.

— Да, — ответил он, сразу же уйдя в воспоминания. — В первой моей роли — Капитанча в «Анне Карениной» — текста было два слова: «Ваше превосходительство». Но роль мне нравилась: нужно было «становиться» стариком. Чтобы зритель не скушал при моем появлении, я эти два слова (а их за время спектакля нужно было произнести пять раз) произносил совсем по-разному: изображая то удивление, то радость, то испуг.

Я поймала себя на том, что, слушая Леонида Сергеевича, сразу же превращаюсь в зрителя. Жаль только, неловко даже, что всего один зритель внимал этим живым рассказам. И, пожалуй, есть в этом воспоминании о первой роли некоторая разгадка искусства Броневского. Уже тогда, совсем молодым человеком, ему интересно было лицедействовать, преображаться, уже тогда он создавал характер из самой маленькой роли (впрочем, известно: чем меньше роль, тем труднее стать в ней заметным).

Что за чудо — эти преображения Броневского: ироничный и смешной, грустный и сосредоточенный, величественный, коварный, нелепый, растерянный, ошеломленный! И всегда бесконечно интересный зрителю своей упоенностью создаваемым характером, глубиной чувств, обостренным восприятием жизни.

Немного можно назвать актеров, которые одинаково органичны в острогротесковских ролях и глубокой психологической драме. Сам факт участия Броневского в фильме, спектакле, телевизионной передаче в значительной степени определяет интерес к этому произведению.

В спектакле «Равняется четырем Франциям» Л. Броневой играет главную роль — секретаря крайкома партии Шахматова. Это человек образованный, масштабно мыслящий, к тому же он обладает такой важнейшей для руководителя способностью: умением брать на себя ответственность в критическую минуту. Способностью противостоять «замшелому» мировоззрению, голому администрированию. Одна из сложных ситуаций стоит ему жизни, но дело, которому он отдает жизнь, побеждает. Л. Броневой создает образ подлинного партийного руководителя: мужественного, принципиального, интеллигентного.

Исключительно трудная еще одна из новых театральных ролей актера — роль директора в пьесе И. Дворецкого «Директор театра».

Герой Броневского Чимендаев прошел войну, руководил большой стройкой, удостоен наград. Человек едва ли не легендарной судьбы. Те-

перь он на пенсии, и его давний знакомец — режиссер театра Вознесенский (артист Н. Волков) — уговаривает его стать директором театра.

Броневой играет поначалу как бы простого зрителя, попадающего из зала в самую сердцевину жизни театра. И не просто театра, он пришел работать к большому режиссеру, прославленному мастеру, перед которым благоговеет. Ему все вновь, все его восхищает. Он и говорит с каким-то особым трогательным почтением. Этот сильный, мужественный человек почти робеет здесь, в театре. И зритель понимает, почему он порой застенчив и робок: Чимендаев считает, что не имеет нравственного права быть «громким», быть первым среди людей Искусства, он ведь не человек искусства.

В этой роли актер чрезвычайно многообразен, пластически точен. Его диалоги с режиссером Вознесенским остры, темпераментны. А монологи тихи, иногда до шепота.

И зал замирает. Смотрит и слушает. Будто невзначай Броневой подходит к краю рампы и обращает свой монолог прямо залу. Всего на миг. И тихо совсем в зале. Зритель еще более сосредоточивается, все активнее вовлекаясь в процесс творчества. Это театр.

Л. Броневой — актер остроимпровизационный. Он передает мысль, чувство и всегда — состояние («Мне не интересно играть застывший, оскостеневший характер. Изменения происходят каждую секунду. И разные куски жизни дают возможность, заставляют внести коррективы, иногда едва заметные. Не прятаться за характер, а развивать его, в любой жесткий рисунок роли вдохнуть жизнь сегодняшнего дня»).

Отсюда, от этой тонкой, чуткой изменчивости — современность, живость образов, создаваемых Броневым. И отсюда же талант актера так сродни телевидению, которое имеет «абсолютный слух на правду», которое по природе своей сиюминутно, репортажно, кровно связано с жизнью (или точнее — может быть связано).

Юрий Завадский в рецензии на телевизионный спектакль «Свадьба как свадьба» писал о Л. Броневом: «Он может позволить себе играть не только одиннадцать инфарктов своего персонажа, но и быть вместе с тем не до конца ясным. Именно своей загадочностью (поначалу) он приковывает к себе внимание зрителей. Артист хорошо знает законы телевидения, он свободен и точен... Он убедителен в своей недосказанности».

То, что сказал Юрий Завадский о конкретной работе актера, соотносимо с его творчеством более широко. О телевидении Л. Броневой говорит: «Театр воспитывает штампы. А кино и особенно телевидение могут лечить эту болезнь. Это «поликлиника», «профилактика». Камера воспитывает в актере правдивость, шлифует органику. Это — особая школа. И особая «жанровая контора». Здесь нет перед тобой непосредственно зрителя, и в то же время он есть».

Из телевизионных работ актера нельзя не назвать доктора Вернера в «Герое нашего времени» — мягкого, деликатного, самоироничного, тающего за недосказанностью пронзительный ум. Шуйского в «Борисе Годунове» — саркастически-мудрого, несколько даже уставшего от своего зоркого видения жизни. Герцога в фильме «Тот самый Мюнхгаузен».

Как одушевляется его лицо, когда он говорит об искусстве!

— Если хочешь, чтобы зритель плакал, не надо самому плакать. По-моему, слезы на сцене, как правило, вообще неуместны. Разве нужно вызывать в зале смех собственным хохотом? Для этого у актера есть, должны быть иные способы выражения чувств.

Еще одно высказывание:

— В искусстве, как и в жизни, самое трудное — самоограничение. Это достойная задача и бесконечная работа. Сначала нужно справиться с ролью — создать образ возможно глубже, ярче, значительнее. При этом решительно отказаться от того, что тебе легко дается, не повторять себя и еще — сознательно ограничить, постигая автора, режиссера, партнера. В этом зерно актерской работы, основная суть профессии. И в этом, может быть, самая большая трудность.

В театре Л. Броневой сейчас работает над симоновским Серпилиным. Евгений Лазарев — главный режиссер Московского театра на Малой Бронной готовится выпустить спектакль «Солдатами не рождаются». Режиссер А. Зархи пригласил актера на роль Литвинова в картине о Чичерине «Народный комиссар» (название условное). На телевидении только что прошла картина Марка Захарова и Григория Горина «Формула любви», где Л. Броневой снялся в роли доктора. И, конечно, предстоят еще новые работы в театре, кино, на телевидении.

Что ж, верно — трех праздных дней не наберется.

Галина НИКУЛИНА.

● Народный артист РСФСР Леонид Броневой.